

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-15-32

М.В. Батшев

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,
129366 г. Москва, Российская Федерация

Русские путешественники в Германии последней четверти XVIII – первой половины XIX вв.: необходимые формальности и особенности поездки

Настоящая работа является одной из первых попыток проанализировать путевые записки как самостоятельный и целостный источник информации, отражающий повседневные практики путешественников и их картину мира. В статье на основании путевых записок, писем и дневников прослеживаются особенности подготовки русских путешественников к заграничному путешествию в конце XVIII – первой половине XIX вв. Показан процесс оформления документов, необходимых для совершения заграничного вояжа. Описаны два различных пути путешественников в Германию: по суше и по морю. Проанализированы впечатления, испытанные путешественниками от знакомства с первыми немецкими городами, которые встречались им на пути. Внимание автора сосредоточено на особенностях повседневной жизни путешественников.

Ключевые слова: Россия в конце XVIII – начале XIX вв., германские государства в конце XVIII – начале XIX вв., заграничные путешествия русских туристов, путевые записки, источники личного происхождения.

© Батшев М.В., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Батшев М.В. Русские путешественники в Германии последней четверти XVIII – первой половины XIX вв.: необходимые формальности и особенности поездки // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. № 1. С. 15–32. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-15-32

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-15-32

M. Batshev

Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Moscow, 129366, Russian Federation

Russian travelers to Germany in the last quarter of the XVIII – the first half of the XIX centuries: The necessary formalities and features of travels

In the article, on the basis of travel notes, letters and diaries, the particularities of the preparation of Russian travelers at the end of the 18th – first half of the 19th centuries for foreign travel are traced. The process of paperwork necessary for making a foreign voyage is shown. Two different ways to travel to Germany are shown: by land and by sea. The impressions experienced by travelers from acquaintance with the first German cities that they met during the trip are analyzed. The attention of the author is focused on the specific features of the daily life of travelers.

Key words: Russia at the end of the 18th – beginning of the 19th centuries, German states at the end of the 18th – beginning of the 19th centuries, foreign travels of Russian tourists, travel notes, sources of personal origin.

FOR CITATION: Batshev M.V. Russian travelers to Germany in the last quarter of the XVIII – the first half of the XIX centuries: the necessary formalities and features of travels. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2020. No. 1. Pp. 15–32. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-15-32

С легкой руки классиков русской литературы современный читатель привык к тому, что обеспеченные русские люди ездили в Германию лечиться. Лечение проходило на минеральных источниках, расположенных в бассейне р. Рейн, под наблюдением местных докторов. Традиция ездить туда для поправки здоровья начинает складываться в германских государствах еще в XVIII в.

Во многих из этих мест в первой половине XIX в. возникают специальные курорты. Строятся гостиницы, обстоятельно изучаются особенности каждого из минеральных источников, обустраиваются места для питья целебной воды и ванны для купания, появляется специальная инфраструктура проведения досуга. Хорошо обеспеченные представители различных слоев русского общества, нуждающиеся в лечении, открывают для себя достоинства немецкой медицины. Они начинают активно посещать немецкие курорты, расположившиеся на минеральных источниках в бассейне Рейна.

Лечение было не единственной целью путешествий русских людей в Германию в рассматриваемый период. В эти же годы молодых образованных русских начинают манить к себе германские университеты.

Рассказ о поездках будет неполным, если не показать, как русские подданные готовились к путешествию, какие документы оформляли, какие немецкие города первые встречались на пути русских путешественников и какое впечатление они производили на последних.

Ответ на поставленные нами вопросы мы будем искать в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина, «Письмах в Пруссию» Ф.В. Ростопчина, «Путевых письмах» Н.И. Греча, «Рассказе о путешествии» Н.А. Корсакова, «Записках русского путешественника» А.П. Мещерского, «Моих Записках» Д.Н. Свербеева, «Дневнике» Е.А. Свербеевой, письмах П.Я. Чаадаева и А. С. Хомякова, а также в неопубликованных письмах кн. П.А. Вяземского и Д.А. Валуева.

Данные источники, как правило, оказываются в центре внимания исследователей, когда их интересует общение русских путешественников со знаковыми деятелями немецкой культуры. Повседневная жизнь и типичные практики путешественников, как правило, не становились объектами изучения.

Настоящая работа является одной из первых попыток проанализировать путевые записки как самостоятельный и целостный источник информации, отражающий повседневные практики путешественников и их картину мира. Записи, делавшиеся в путешествиях, как правило, редактировались, прежде чем быть опубликованными. Были путешественники, которые делали одновременно несколько видов путевых записей (журнал для себя, письма для друзей и родственников).

Случалось, что авторы, как, например, Н.М. Карамзин, вносили изменения и в разные издания своих записок.

Кратко остановимся на историографии темы. Скажем сразу, что монографических исследований по ней нет, да и специально посвященных ей статей в российской историографии немного. Одним из исключений, рассматривающих путевые записки в качестве исторического источника, является статья С.В. Оболенской «Германия глазами русских военных путешественников 1813 года» [14]. В этой статье автор, используя путевые записки трех русских офицеров – участников заграничных походов русской армии 1813–1814 гг.: Ф.Н. Глинки, Н.И. Лажечникова, А.Ф. Раевского, – показывает, как они увидели Германию. Через сделанные ими наблюдения они старались лучше понять собственную страну: «Размышления участников компании 1813–1814 гг. составили этап в процессе критического самоосмысления русского общества, осмысления истории России и места России в мировой истории» [Там же, с. 82].

Путевые дневники различных путешественников послужили одним из источников для книги С.О. Миллера «Эмс и дворяне России» [13]. В ней с использованием как путевых текстов, так и иных видов источников описано пребывание всех самых знаменитых русских посетителей популярного немецкого курорта Бад-Эмс.

В значительной литературе, посвященной изучению «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина¹, в последнее время наметилась новая тенденция. Наблюдается изменение исследовательских представлений о соотношении подлинности и вымысла в этом произведении. Исследователи, считающие, что книга заслуживает большего доверия, чем принято считать, обращаются в т.ч. к Вяземскому, который в «Старой записной книжке» писал: «А между тем “Письма” эти должны

¹ Традиция считать «Письма русского путешественника» вымышленным произведением была заложена В.В. Сиповским в работе «Н.М. Карамзин, автор “Писем русского путешественника”» [19]. Ю.М. Лотман в лучшем на сегодняшний день издании «Писем...» писал, что «кроме самих “Писем русского путешественника”, у нас нет об этом периоде никаких других сведений» [9, с. 534]. В 1990-е гг. стали появляться работы, корректирующие эту точку зрения. В первую очередь, это статья женеваского историка С. Геллермана [23]. В ней, на основании найденных в архивах Швейцарии документов, подтверждается достоверность многих сведений, сообщаемых Карамзиным своим читателям. Но в некоторых случаях литературные установки Карамзина преобладали над фактическими обстоятельствами и в результате в тексте «Писем...» читатель имеет большое количество достоверных сведений, соединенных с авторским вымыслом. Более подробно по статье Геллерман см. в обстоятельном исследовании И.З. Серман [18]. Интересен взгляд на Карамзина английского исследователя Энтони Кросса. В его исследовании о русских в Британии в XVIII в. Карамзину посвящена целая глава. «Карамзин... старался смотреть так внимательно, и увидеть так много, как только мог, а потом написал о своих наблюдениях так честно, как позволяло его литературное чутье, переменчивые взгляды и российские условия» [11, с. 283].

служить и ныне образцами языка и слога: они не только “Письма Путешественника”, но настоящие мемуары, исповедь человека, картина эпохи. Замечательные лица, характеристики, разговоры их передаются в живом зеркале» [4, с. 177]. В работе немецкого историка Г. Пановски на основе найденных в архивах Берлина документов подтверждается достоверность сведений, приведенных в «Письмах русского путешественника» [15, с. 254–284].

А.Н. Зорин в статье «Разлука с семьей весной 1797 г.: двойная идентичность Михаила Муравьева» [7] анализирует две разновидности текстов (письма и дневник) об одном путешествии, написанных в 1797 г. М.Н. Муравьевым. Зорин пишет: «Пятнадцать раз подряд в одни и те же дни Муравьев пишет одному и тому же адресату два совершенно различных письма на разных языках. На наш взгляд, разрешить этот парадокс возможно, только предположив, что эпистолярная форма “Московского журнала”, по существу, условна и что это сочинение представляет собой не “письма в форме дневника”, как предполагал [М.А.] Осоргин², но, напротив, литературный дневник в форме писем» [8, с. 180]. Сам факт существования двух видов источников об одном путешествии Зорин видит в сильном влиянии на Муравьева английского писателя Лоренса Стерна. «Точно так же Муравьев следовал примеру любимого писателя, сочиняя для жены дневник (“Журнал...”) своего пребывания в Москве параллельно с настоящими письмами, которые он писал ей оттуда же. Его “Московский журнал”, по аналогии с образцом, вполне мог бы называться “Журнал для Катеньки”» [Там же, с. 184]. Автор исследования обращает внимание и на разных адресатов писем и «Журнала». В первом случае – это супруга, во втором – будущие члены семьи.

В статье А.Ю. Сорочана «Туда и обратно: новые исследования литературы путешествий и методология гуманитарной науки» сделан обзор 17 современных зарубежных исследований литературы путешествий. Главной целью этой работы можно считать обозначение путей исследования для решения вопроса «В чем же состоит особенность литературы путешествий». «На Западе литература путешествий рассматривается как заведомо пограничное явление, и изучение ее позволяет серьезно трансформировать методологию филологических исследований. А в России (и это еще одно основание для подобного обзора), хотя и появляются немало исследований, связанных с конкретными травелогами, пока нет системного осмысления проблемы» [20]. Из рассмотренных автором книг ближе всего к интересующему нас хронологическому

² Осоргин Михаил Александрович (1878–1942) – русский писатель, эссеист. В 1922 г. выслан на «философском пароходе» из Советской России.

периоду относятся две работы: «Романтические местности: Европа пишет место» и «Мадам де Сталь. Опасное изгнание». Первое издание представляет собой сборник статей, в котором литература путешествий рассматривается с разных точек зрения. Авторы статей объединяет интерес к месту в культуре, местность становится конечной точкой и приводит их к совершенно новому пониманию локального. Писатели исследуют места, по которым путешествуют, в которых живут, в которые эмигрируют, создают метафизические географии, трансформируют конкретное место в нечто иное. В двух статьях сборника анализируются путешествия в Германию. Анджела Райт в статье «Путешествие летом 1794 г. через Голландию и западную границу в Германию Анны Радклиф» анализирует, как знаменитый автор «готических романов» описывает «добрую старую Англию» с точки зрения «меняющейся Европы». Джеймс Вигде в статье, посвященной Генри К. Робертсону и его странствиям по Германии, обращает внимание на то, что путешественник в своих дневниках концентрируется на описании «всего романтического», игнорируя при этом реалии современной ему Германии. О работе «Мадам де Сталь. Опасное изгнание» автор обзора пишет: «Эта книга – о другой грани травелога, не о присутствии, а об отсутствии» [20]. В данном исследовании больше внимания уделяется политическим и эротическим декларациям мадам де Сталь, а не ее путевым впечатлениям.

Итак, обратимся теперь к тому, как воспринимали Германию русские путешественники конца XVIII – начала XIX вв., которым приходилось на родине пройти через определенные формальности для выезда за границу. Можно сказать, что их путешествие в далекие страны начиналось с путешествия по русским присутственным местам, а затем по посольствам тех государств, куда они планировали отправиться.

Оформление паспортов

Как правило, путь в Германию начинался в Петербурге. Решивший отправиться за границу подданный Российской империи мог обратиться за паспортом в губернское правление только той губернии, где он проживал. При этом в паспорте должно было быть зафиксировано, каким способом путешественник собирается передвигаться – сухопутным или морским. Герой «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина не сделал этого своевременно и потому «надлежало объявить мой паспорт в Адмиралтействе; но там не хотели надписать его, потому что он дан из Московского, а не из Петербургского губернского правления, и что в нем не сказано, как я поеду; т.е. не сказано, что поеду морем.

Возражения мои не имели успеха – я не знал порядка, и мне оставалось ехать сухим путем или взять другой паспорт в Петербурге. Я решился на первое; взял подорожную – и лошади готовы» [9, с. 6–7].

После оформления паспорта в губернском правлении полагалось получить въездную визу тех стран, куда планировал отправиться путешественник. Консульств в первой половине XIX в. еще не существовало, поэтому визы путешественники могли получить только в иностранных посольствах в Петербурге.

Московский дворянин Н.А. Корсаков пишет в своих воспоминаниях: «В следующее утро поехал я к посланникам тех держав, в столицах которых я хотел быть, для надписи на паспорте моем» [10, с. 6–7].

Проводы, погода и отплытие

Процедура проводов представляла собой отдельный ритуал. Отъезжающий должен был заблаговременно известить о своих планах всех своих друзей, затем устроить для них прощальный вечер. Кроме этого, полагалось опубликовать в «Московских ведомостях» объявление о предполагавшемся отъезде с указанием даты и приблизительного срока отсутствия. Главной целью таких объявлений было уведомление кредиторов о месте нахождения должников, чтобы в случае неурегулированных финансовых проблем можно было воспрепятствовать их отъезду.

В планы отъезжающих из Петербурга самым причудливым образом могло вмешиваться капризное Балтийское море. Н.И. Греч рассказывает в своих «Путевых письмах», что в конце апреля, за неделю до 1 мая (дня, назначенного для отплытия из Кронштадта в Петербург), лед покрывал все пространство залива. В Петербурге сомневались, что навигация откроется в назначенный срок. Капризы петербургской погоды могли вносить коррективы в планы путешественников и ускорять (или замедлять) их отъезд, как это было в случае с Гречем [5, с. 2].

Д.Н. Свербеев в «Моих записках» поведал курьезную историю про то, с какими приключениями он отправлялся в путешествие из Кронштадта в 1822 г. Один из его друзей, с которым он собирался в путешествие, не успел закончить сборы в дорогу. В результате они опоздали на утренний рейсовый пароход в Кронштадт, и были вынуждены сами добираться до порта. В результате, когда они прибыли в Кронштадт, то узнали, что судно, на котором должны были отплыть, уже ушло. Но им повезло с ветром, который не позволил этому судну уйти далеко. «Попутный западный ветер, унесший “Анну” по зыбям Финского залива, стих; Гартману стало совестно, и он, проплыв один или два узла

за рейд, бросил якорь и отправил за нами с матросом катер. Мы на расставанье выпили и простились с нашими провожатыми» [17, с. 184.].

Корсаков в «Рассказе о путешествии по Германии, Голландии, Англии и Франции», упоминая о переезде из Петербурга в Кронштадт, пишет о эмоциях, которые вызывал отъезд у всех находящихся на пристани, будь то отъезжающие или провожающие. После всплеска эмоций следует описание поездки: «Мосток с пристани поднят, колеса машины зашумели, вода под ними запенилась, закипела белым ручьем, и машина отвалила. Тут начались снова прощанья: как с берега, так и с парохода. Платки, руки и шляпы, пока не скрылись друг от друга из виду – все было в движении. За проезд до Кронштадта платится особо: по 5 р. в пользу г. Берда³: ему принадлежат машины. Вообразите, что он получает во всю навигацию, продолжающуюся семь месяцев, от двух машин, на коих менее ста пассажиров не бывает» [10, с. 11].

Несмотря на то, что в конторе кораблей существовало расписание движения судов, оно не всегда соблюдалось. Виной тому были не только неблагоприятные погодные условия, выход корабля в море мог задерживаться по разным причинам. Греч рассказывает, что корабль, на котором он плыл, задержался на несколько часов из-за почты [5, с. 2–3].

Без особых подробностей, просто как о довольно скучном факте, пишет о начале своего путешествия кн. А.П. Мещерский: «В первых числах июня 1839 года я заплатил за место до Любека и на транспортном судне отправился в Кронштадт: тут стоял на якоре большой красивый пароход» [12, с. 1]. Однако он подробно описывает церемонию проводов, которая включала в себя торжественный обед, по подсчетам путешественника, на 240 персон. Столь большое количество участников трапезы привело к долгим промежуткам при переменах блюд. И весь обед продолжался около трех часов. Провожавшие стали покидать корабль только к вечеру, после того как все приготовленное было съедено и выпито [Там же, с. 2].

Первоначальных планов относительно направления своей поездки придерживались не все путешественники. Случалось, что планы меняли в последний момент. Так поступил и П.Я. Чаадаев. Уже отправившись с друзьями в Кронштадт садиться на корабль, он изменил свой маршрут под влиянием увиденного на корабельной стоянке. В письме к брату

³ Чарлз (Карл Николаевич) Берд (1766–1843) – шотландский инженер и предприниматель, игравший важную роль в промышленной и деловой жизни Петербурга в первой половине XIX в. Его компания выпускала паровые машины и построила первый в России пароход. Берд приехал в Россию двадцатилетним юношей и прожил здесь всю свою долгую жизнь.

из Кронштадта он замечает: «Пишу я тебе для того, чтобы сказать, что еду я не в Гамбург, а в Англию. Приехавши сюда, подрядил я было Любекское судно; но, увидавши славный английский корабль, который идет прямо в Лондон, не могу терпеть и решил ехать на нем; благодаря моему кредиту ехать мне можно, куда вздумается, деньги у меня есть везде» [19, с. 19–20].

Деньги в любой поездке за границу значат очень много. Большинство путешественников предпочитали менять наличные российские деньги на местные в меняльных конторах, но некоторые, как, например, Свербеев, пользовались иными банковскими продуктами: «Насилу один день мог я выхлопотать у суетливого моего спутника на прощанье и получение от банкиров братьев Livio кредита на 10 000 р. (или 12 000 франк[ов] по тогдашнему курсу) вместе с рекомендательными от них письмами к приятелям их банкирам в других городах» [17, с. 83]. Этот банковский документ позволял Свербееву в любом крупном городе Европы получить деньги на свои издержки в пределах оговоренной в документе суммы.

Плавание

Большинство авторов использованных нами источников отправилось в путь морским путем. Поэтому на особенностях передвижения от Петербурга до границ Российской империи на лошадях в то время мы останавливаться не будем. Плавание на пароходе в 1830–1840-е гг. представлялось довольно дорогим удовольствием. На пароходах собиралась публика в массе своей хорошо обеспеченная. Греч, с восторгом описывающий свое путешествие в аристократической компании на пароходе, называет и цены, уплаченные за билеты. «Мы, пассажиры, осмотрелись, познакомились между собою. Общество на пароходах бывает обыкновенно отборное, потому что не всякий может заплатить значительную сумму за переезд на первом месте. Впрочем, случается нередко, что люди благовоспитанные, почтенные, но ограниченные средствами, теснятся на втором месте, не смея перешагнуть за черту, отделяющую 250 р. от 175 р.; напротив, среди вельмож и дипломатов гнездится какая-нибудь белая французская мышь с красными глазами» [5, с. 3]. Плавание по тому же маршруту в 1822 г. стоило 10 червонцев с господ и по 5 червонцев со слуг [17, с. 183].

Несмотря на дорогие билеты и наличие обеспеченных пассажиров, пароходы не часто отходили точно по расписанию. Князь Мещерский в «Записках русского путешественника» вспоминает: «Мы простояли на якоре до двух часов утра, поджидая английского курьера с депешами.

Во всю ночь никто не ложился: всякому хотелось видеть первое движение парохода» [12, с. 4]. Случалось, что пароходы ожидали не только курьеров: «В полночь услышал я звук цепей, происходивший от поднятия якоря, и мы пустились в Балтийское море. До сих пор стояли, ожидая кронштадтскую почту, отправляемую в чужие края», – писал Корсаков [10, с.12].

В те несколько суток, что пароход двигался от Петербурга до Любека, пассажиры часто страдали от морской болезни. В этой ситуации они предпочитали находиться в своих каютах, а не прогуливаться по палубе, с которой к тому же ничего не было видно, кроме открытого моря.

Во время плавания, если позволяла погода, пассажиры совершали бесконечные прогулки по палубе или коротали время за картами. Играли в те же игры, к которым привыкли в столичных гостиных. Качки и бури путешественники переносили в зависимости от индивидуальных особенностей организма. Не все путешественники испытывали восторг от плавания по морю. Князь Мещерский в начале своего сочинения пишет: «Поездка морем не имеет ничего привлекательного: здесь все однообразно и угрюмо! Во время тихого плавания есть еще возможность пользоваться приятностью общества, но вместе с переменою погоды исчезает и любезность в разговоре: все расходится по углам, спрашивают, жалуются, ропщут и немилосердно накидываются на первого услужливого, имевшего неосторожность вызваться с утешениями. Что может быть несноснее человека, занятого одним своим физическим страданием!» [12, с. 1].

Первые остановки по пути из Петербурга суда делали в разных портах, расположенных на побережье Балтийского моря. Здесь немецкое влияние ощущалось все сильнее и сильнее. Осматривая прибрежные города, путешественники настраивались на знакомство с Германией. Одним из таких городов был эстляндский Ревель (совр. Таллин). «Приближаясь к Ревелю, я не мог не быть поражен средневековой рыцарской его наружностью. Это был первый представившийся моим взорам город в полном смысле древнегерманского его значения, со своей полуразрушенной крепостью на утесистой скале к морю, со своим замком, в котором жил губернатор и вместе комендант порта. Мы остановились в одной из лучших гостиных на весьма небольшой площади, окруженной чрезвычайно узкими улицами. Отсутствие всякого деревянного строения и довольно высокие узенькие дома с черепичными крышами – одним словом, Ревель казался мне чем-то странным, небывалым, сказочным – в нем не было решительно ничего русского» [17, с. 187].

При проходе через северную оконечность Германии – о. Рюген – к пароходу приставал почтовый катер и перегружал на него почту.

После этого пароход продолжал движение и через «83 часа после отхода из Кронштадта... бросил якорь у порта Травемюнде» [5, с. 9].

Путь пароходов по Балтийскому морю проходил мимо острова Борнгольм, описанного в одноименной повести Карамзина, многие из путешественников считали для себя обязательным посмотреть этот остров и вспоминали про автора «Писем русского путешественника» [1, с. 236].

Первые впечатления

Первую остановку на немецкой земле делали в Любеке или Травемюнде. Свербеев в одном из набросков к своим запискам так пишет об этом городе: «В Любеке, похожем отчасти на Ревель, и на Ригу своим средневековым видом» [17, с. 577]. Московский славянофил Д.А. Валуев, отправлявшийся в 1844 г. на лечение в Англию, проезжая через Любек, оставил самое поразительное его описание. «Меня поразило Любек, не выдавши, не поймешь немецкого города, а между тем, как только увидел, убедился, что [это] Славянский Любоч, без шуток, форма всех домов [есть] каменная изба и мне тотчас живо напомнило село Лысково возле Нижнего; серьезно, улицы сплошных изб и ряды крыш совершенно [его] напоминают. Особливо я помню одну, где, видно по какому-то инстинкту, тамошние мужики выстроились (т.е. построили свои дома. – М.Б.) такими же каменными избами, только не достает черепиц» [2, л. 2а]. Любек нравился и другому славянофилу – А.С. Хомякову. «Правду сказать, город Любек так мил, что им нельзя не любоваться. Он милее Гамбурга» [21, с. 8].

Для других путешественников первым пунктом остановки по пути из Петербурга был порт Травемюнде. Свербеев писал: «Приплывающие к нему в начале лета из Петербурга приходят от него в восхищение (кроме нас с [А.С.] Норовым)⁴, я думаю, никто не ездил в Травемюнде сухим путем), а те, которые возвращались через Травемюнде в Петербург, находили уже тут предвкушение, *avant-gout*, нашей северной природы и ее сурового климата. Одним, вступающим на твердую в этом порте землю, было светло, тепло и на душе легко; другим казалось холодно, серо и гадко: так все в человеческой жизни бывает относительно и сколько-нибудь верно по одному сравнению» [17, с. 189].

Среди массы дорожных записок о путешествиях в Германию есть свидетельства путешественников, которые ехали не морским путем, а по суше. Кроме уже упоминавшегося Карамзина, это и знаменитый гр. Ф.В. Ростопчин, который в конце 1780-х гг. совершил заграничное путешествие, как это было принято в то время, «с целью завершения

⁴ Друг мемуариста, вместе с которым тот отправился в путешествие.

образования». Часть своего путешествия он описал в записках, которые назвал «Путешествие в Пруссию». Первым сильным впечатлением будущего московского генерал-губернатора была прусская почта и особенно медленная скорость, с которой она передвигалась. «Несчастный русский путешественник, плачь и сокрушайся о ямщиках! Забывай, что лошадь может бегать рысью и скакать! Слушайся и терпи!» [16, с. 17]. Похожую оценку почты в Пруссии, как необычайно медленной, можно будет встретить и у других русских путешественников по Германии в первой трети XIX в.

Но вернемся к путешественникам, которые ехали в Германию морем. Супруга Свербеева Екатерина Александровна в дневнике от 1833 г. так описывала свои первые впечатления от Германии: «В 11 утра мы увидели Травемюнде – красивый вид. Мы пристали в сопровождении небольшого штурманского судна – какая радость! – все подозрные трубы направлены на берег. Видны красивые дома, аллеи деревьев, много народа в красивой одежде, женщины – в цветных немецких юбках с высокой талией: два рукава, маленький фартучек, свекольные лица» [6, с. 18]. Похожие впечатления от посещения Травемюнде остались и у Мещерского: «Не доходя до него (до порта. – *М.Б.*) на расстоянии четверти версты, был брошен якорь: капитан боялся попасть на мель. Вследствие нескольких ракет, пущенных чтобы вызвать лоцманов, подошел маленький пароход для перевозки нас, но им никто не воспользовался» [12, с. 5].

Из северных городов Германии в дневнике Свербеевой упоминается Любек как довольно живописное место, где много лесов и садов. Князю Мещерскому Любек не понравился из-за большого наплыва таких же путешественников, как и он сам, из-за чего все трактиры были переполнены, и он не смог найти себе пристанище. Не найдя себе место в гостинице, он решил покинуть город и ехать до Гамбурга. Пока запрягали лошадей, Мещерский совершил прогулку по городу, в результате которой пришел к выводу, что город ему не понравился. На его взгляд, дома в несколько этажей с пирамидальными крышами при узких улицах придают городу мрачный вид.

Любек был первым городом в Германии, который в ходе своей поездки увидел в Германии П.В. Анненков. В «Письмах из-за границы» он сравнивает переезд из Петербурга в Любек с попаданием в эпоху Средних веков: «За исключением стен, разрушенных Наполеоном, город остался таким, как застал его Лютер» [1, с. 6].

Корсаков описывает немецкий обычай, с которым столкнулся в Любеке и который на первых порах его удивил, а потом даже понравился: «Немцы расчетливы. Около полуночи услышал я крик ходящих

по улицам ночных сторожей: “Одиннадцать часов било, пора спать” (Die Uhr hat elf geschlagen, es ist Zeit zu schlafen). Тон этой вокальной музыки так меня удивил, что я нарочно просидел несколько времени, чтобы еще слышать: они повторяют это каждую четверть часа. Почти во всей Германии вы услышите то же» [10, с. 15–16]. Интересно, что в текстах других авторов упоминаний о существовании подобной практики в иных немецких городах обнаружить не удалось.

Так же, как и Мецкерский, сухим путем в Гамбург из Любека отправился Греч: «Я нанял коляску парюю до Гамбурга за 27 марок, обязавшись дать на водку еще 3 марки, следовательно, всего 30 марок, или 3 и $\frac{1}{4}$ червонца за 56 верст. Право, не дорого: экипаж удобный, лошади хорошие» [5, с. 10]. Корсаков также отправился в Гамбург из Любека. Поездка, судя по его рассказу, оказалась неспешной и с музыкой: «Наняв Фурмана (извозчика) до Гамбурга, я заплатил 12 марок и 8 шиллингов (16 р.), в 5 часов вечера отправился, и фурман, захав в другой отель, посадил двух мужчин – это были отец с сыном – последний, по-видимому, имел лет двадцать; во всю дорогу, даже ночью, он пел из немецких опер арии, с разнообразными положениями головы и рук, чем родитель его очень утешался, а я очень скучал» [10, с. 16]. Путешественники после Любека стремились попасть в Гамбург потому, что от него было ближе ехать к лечебным водам. Маршрут к водам из Гамбурга выглядел так: «Часа через два выезжаем из Гамбурга и едем в Ганау через Ганновер, Гёттинген, Кассель» [2, л. 2].

Некоторые останавливались для лечения на курортах Северной Германии. «Эти курорты были очень популярны у немцев: Травемюнде и его морские ванны со своими посетителями, любекскими торгашами и голштейнскими фермерами не представляют широкого поля моим “Запискам”. Посетительницы из мещанского общества не отличались ни туалетом, ни манерами, все они постоянно занимались вязанием чулок, а по воскресеньям – танцами *ins Grune* (в зеленом. – М.Б.)» [17, с. 188]. На этих курортах у подданных Российской империи контакты с местным населением налаживались с трудом: «Мужчины на скверном французском языке разговаривали со мной о торговых с нами сношениях, которые мне были неизвестны, и беседа моя с ними шла плохо: по-немецки я понимал, но не говорил, а французским языком, тогда ненавистным для северных германцев, они владели плохо» [Там же, с. 189].

Свербеев писал: «Доктор посоветовал Норову докончить морское лечение таким же и в другом месте, на принадлежащем городу Гамбургу острову Нордерм при устье Эльбы» [Там же]. Дорога из Любека до Гамбурга заняла у путешественников много времени и оставила очень

неприятные впечатления: «Нам надобно было [ехать] двое суток на долгих, потому что королевско-датскому правительству не угодно было на принадлежащей ему между двумя городами земле учредить правильные почтовые сношения. В видах эгоистического покровительства своим подданным и крайней не дружелюбности сношений с обоими вольными городами оно, это правительство, содержало единственную дорогу на 70 верст протяжения в таком ужасном состоянии, о котором и мы, русские, привыкшие к нашему бездорожью и беспутнице, не могли иметь никакого понятия» [17, с. 578]. В дальнейшем Свербеев приводит объяснение такого отношения Дании к этим городам: «Не один раз предлагали Дании оба эти города построить шоссе за их собственный счет, а впоследствии, когда начались в Германии железные дороги, устроить и железную дорогу. Более 12 лет прошло в тщетных переговорах. Дания ни на какие предложения не соглашалась, в ее интересах было несравненно выгоднее, чтобы корабли из Петербурга и других мест шли в Гамбург через Зундский пролив и платили бы в Бельте установленную Данией и недавно уничтоженную (текст написан в конце 1860-х гг. – М.Б.) общим трактатом пошлину. Поэтому-то корыстолюбивые датчане и препятствовали всячески разгрузению товаров в Любеке» [Там же].

Посмотрим теперь, каким увидели Гамбург русские путешественники. Свербеев остановился в одном из лучших гамбургских отелей того времени: «На две или три недели нашей разлуки устроил я себя в одной из отличнейших гамбургских гостиниц – “Юнгферштих”, Hotel de Russie, у приветливого трактирщика Видемана. Превосходный его стол был настоящий table d’hote» [Там же]. Свербеев отмечал, что, хотя война с Наполеоном в Германии закончилась в 1814 г., а он в Гамбурге был в 1822-м, однако в городе по-прежнему очень сильны были антифранцузские настроения. Бюргеры Гамбурга хорошо помнили время управления маршала Даву, который разграбил их банк и похитил все годами накопленные гамбургцами общественные капиталы. Свербеев писал и о том, какое впечатление произвел на него Гамбург в самом начале 1820-х гг., а также в последующие приезды. Он отмечал разницу между тем старым Гамбургом, когда город представлял собой сплошную массу весьма непрочно построенных высоких домов и очень узких улиц с прегрязными канавами, – так было до большого пожара в 1842 г.

Видевший Гамбург в 1839 г. Мещерский не нашел в нем ничего мрачного и в своих «Записках» писал: «Город красиво выстроен. Улицы широки, хорошо вымощены и содержатся опрятно; зато переулки узки, кривы и нечисты. Все пространство земли, прежде занятое укреплениями, постепенно покрывается садами и составляет пленительное

место для гулянья, откуда можно наслаждаться открытыми видами. Туда жители собираются дышать чистым воздухом под тенью роскошных деревьев и слушать музыку, которая к вечеру собирается в кофейных домах» [12, с. 7].

Из Гамбурга Мещерский совершил прогулку в соседний датский город Альтону. В мемуарах он удивлялся отсутствию четко выраженной границы между Гамбургом и владениями Дании: ««Границы вы тут не найдете, – отвечал он (проводник. – *М.Б.*) – потому что этот дом стоит одною половиною на Гамбургской земле, а другою – на Датской. Но если вы хотите непременно ее видеть, то пойдемте в боковую улицу: там я вам ее покажу». Повернув в переулок, мы поравнялись с заднею частью дома, отделявшегося от соседнего небольшим протоком воды. Здесь на расстоянии полутора аршина сделана от одной стены до другой дуга из полосы железа, наверху которой поставлен значок. “Вот, – сказал мой проводник, – граница двух владений!”» [Там же, с. 8]. Датские владения Мещерскому понравились, но не так, как немецкие города, и он постарался сформулировать их отличие друг от друга: «Альтону нельзя сравнить с Гамбургом. Нет того опрятного вида, и улицы не так красивы; но одна из них мне особенно понравилась: экипажи свободно могут разъезжать по обеим сторонам аллеи из вековых деревьев, которых сучья сплетаются над головами гуляющих, и из этой густоты ветвей показываются на всяких пятнадцати или двадцати шагах висячие лампы, разливающие достаточный свет во время вечерней прогулки» [Там же, с. 9].

Все увиденное русскими путешественниками в северных городах Германии было, как правило, первыми впечатлениями в их заграничных вояжах. В дальнейшем, по мере приближения к цели своей поездки, они получали и другие впечатления, которые иногда заставляли их корректировать первоначальные. Письменная фиксация или нефиксация впечатлений от увиденного там зависели от индивидуальных поведенческих целей каждого конкретного путешественника. В использованных источниках отсутствуют описания ожиданий от Германии, потому делать выводы о соответствии или несоответствии увиденного ожиданиям у нас нет возможности.

Наблюдение над источниками, появившимися в результате проезда разных авторов по одним и тем же германским территориям и фиксация ими увиденного, позволяют выявить общие механизмы восприятия пространства. Кроме того, в травелогах можно выявить происходившие изменения во встречавшихся им природных и рукотворных ландшафтах. Содержащаяся в текстах авторская рефлексия позволяет реконструировать представления образованных русских людей о месте России в мире рассматриваемого нами исторического периода.

Библиографический список / References

1. Анненков П.В. Парижские письма. М., 1983. [Annenkov P.V. Parizhskiy pis'ma [Letters from abroad]. Moscow, 1983.]
2. Валуев Д.А. Письма к Свербееву // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 472 (Свербеевы). Оп. 1. Д. 624а. [Valuyev D.A. Pis'ma k Sverbeevu [Letters to Sverbeev]. *Russian State Archive of Literature and Art (RGAL)*. Fund 472 (Sverbeevy). Inventory 1. Case 624a.]
3. Вяземский П.А. Письма к сыну // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 195 (Вяземские). Оп. 1. Д. 4108. [Vyazemsky P.A. Pis'ma k synu [Letters to the son. *Russian State Archive of Literature and Art (RGAL)*. Fund 195 (Vyazemsky). Inventory 1. Case 4108.]
4. Вяземский П.А. Старая Записная книжка // Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского. СПб., 1886. Т. X. [Vyazemsky P.A. Old Notebook. *Polnoye sobraniye sochineniy knyazya P.A. Vyazemskogo*. St. Petersburg, 1886. Vol. X. (In Russ.)]
5. Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Ч. 1–3. СПб., 1839. [Grech N.I. Putevyye pis'ma iz Anglii, Germanii i Frantsii [Travel letters from England, Germany and France]. Part 1–3. St. Petersburg, 1839.]
6. Дневник Екатерины Свербеевой за 1833 г. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 7–37. [The diary of Ekaterina Sverbeeva for 1833. *Pamyatniki kul'tury. Novyyeotkrytiya. Yezhegodnik*. 1997. Moscow, 1998. Pp. 7–37. (In Russ.)]
7. Зорин А.Л. Разлука с семьей весной 1797 года: двойная идентичность Михаила Муравьева // Новое Литературное Обозрение. 2011. № 4. С. 188–201. [Zorin A.L. Separation from family in the spring of 1797: The double identity of Mikhail Muravyov. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*. 2011. No. 4. Pp. 188–201. (In Russ.)]
8. Зорин А.Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М., 2016. [Zorin A.L. Poyavleniye geroya: Iz istorii russkoy emotsional'noy kul'tury kontsa XVIII – nachala XIX veka [The appearance of the hero: From the history of Russian emotional culture of the late XVIII – early XIX centuries]. Moscow, 2016.]
9. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / Издание подготовили Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, В.А. Успенский. М., 1984. [Karamzin N.M. Pis'ma russkogo puteshestvennika [Letters of a Russian traveler]. Yu.M. Lotman, N.A. Marchenko, V.A. Uspenskiy (preparation for publication). Moscow, 1984.]
10. Корсаков Н.А. Рассказ о путешествии по Германии, Голландии, Англии и Франции Н.А. Корсакова в 1839 году. М., 1844. [Korsakov N.A. Rasskaz o puteshestvii po Germanii, Gollandii, Anglii i Frantsii N.A. Korsakova v 1839 godu [The story of a trip to Germany, Holland, England and France N.A. Korsakov in 1839]. Moscow, 1844.]
11. Кросс Э.Г. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке / Пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. СПб., 1996. [Cross A.G. U Temzskikh beregov. Rossiyane v Britanii v XVIII veke [By the Banks of the Thames: Russians in Eighteenth-Century Britain]. N.L. Luzhetskaya (transl. from English). St. Petersburg, 1996.]

12. Мещерский А.П. Записки русского путешественника: Голландия, Бельгия и Нижний Рейн. М., 1842. [Meshcherskiy A.P. Zapiski russkogo puteshhestvennika: Gollandiya, Bel'giya i Nizhniy Reyn [Notes of the Russian traveler: Holland and Belgium and the Lower Rhine]. Moscow, 1842.]
13. Миллер С.О. Эмс и дворяне России. М., 2008. [Miller S.O. Ems i dvoryane Rossii [Ems and the nobles of Russia]. Moscow, 2008.]
14. Оболенская С.В. Германия глазами русских военных путешественников 1813 года // Одиссей. Человек в истории, 1993 г. Образ «другого» в культуре. М., 1994. С. 70–84. [Obolenskaya S.V. Germany through the eyes of Russian military travelers of 1813. *Odyssey. Chelovek v istorii, 1993 g. Obraz «drugogo» v kul'ture*. Moscow, 1994. Pp. 70–84. (In Russ.)]
15. Панофски Г. Приезд Карамзина в Берлин и его встреча с русским ветераном в Потсдаме // XVIII век. Сборник 26: Старое и новое в русском литературном сознании XVIII века. СПб., 2011. С. 254–286. [Panofski G. Karamzin's arrival in Berlin and his meeting with a Russian veteran in Potsdam. *XVIII vek. Vol. 26: Old and new in the Russian literary consciousness of the XVIII century*. St. Petersburg., 2011. Pp. 254–286. (In Russ.)]
16. Ростопчин Ф.В. Путешествие в Пруссию // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 17–71. [Rostopchin F.V. Travel to Prussia. *Rostopchin F.V. Okh, frantsuzy!* Moscow, 1992. Pp. 17–71. (In Russ.)]
17. Свербеев Д.Н. Мои Записки. М., 2014. [Sverbeyev D.N. Moi Zapiski [My Notes]. Moscow, 2014.]
18. Серман И.З. Где и когда создавались «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина? // XVIII век. Вып. № 23 / Отв. ред. Н.Д. Кочеткова. СПб., 2004. С. 194–210. [Serman I.Z. *XVIII vek. Vol. 23*. N.D. Kochetkov (ed.). St. Petersburg, 2004. Pp. 194–210. (In Russ.)]
19. Сиповский В.В. Н.М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899. [Sipovskiy V.V. N.M. Karamzin, avtor «Pisem russkogo puteshhestvennika». СПб., 1899.]
20. Сорочан А.Ю. Туда и обратно: Новые исследования литературы путешествий и методология гуманитарной науки // Новое Литературное Обозрение. 2011. № 6 (112). С. 379–402. [Sorochan A.Yu. There and back: New studies of travel literature and the methodology of humanities. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*. 2011. No. 6 (112). Pp. 379–402. (In Russ.)]
21. Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. М., 1904. Т. VIII. [Khomyakov A.S. Polnoye sobraniye sochineniy [Full composition of writings]. Moscow, 1904. Vol. VIII.]
22. Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и писем. М., 1991. Т. II. [Chaadayev P.Ya. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem [Complete works and letters]. Moscow, 1991. Vol. II.]
23. Gellerman S. Karamzin à Geneve. Notes sur quelques documents d'archives concernant les "Lettres d'un voyageur russe". *Facten und Fabeln Schweizerisch-slavische Reisebegegnung vom 18 bis zum 20 Jahrhundert*. Hrsg. von M. Bankowski, P. Brang, C. Goehrke, R. Kembale. Basel, Frankfurt am Main, 1991. Pp. 73–90.]

Статья поступила в редакцию 11.03.2019, принята к публикации 13.01.2020
The article was received on 11.03.2019, accepted for publication 13.01.2020

Об авторе / About the author

Батшев Максим Владимирович – научный сотрудник Центра информационного обеспечения и документации наследия, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, Москва

Maxim V. Batshev – researcher at the Center for Information Support and Documentation of the Heritage, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow

E-mail: bmv@list.ru